
Гром с неба

Эдуард Мисакян

Гром с неба (9-10 часть)

https://litres.ru/74632993
SelfPub; 2026

Аннотация

Заключительные части цикла «Гром с неба» — это история о том, как солдат, привыкший убивать, выбирает жизнь. Портал в будущее закрывается навсегда, и Корнеев, теперь просто Михаил, остаётся с Аксиньей и сыновьями в 1400 году. Он строит дом, учит жену стрелять, прячет оружие и золото — не потому, что ждёт войны, а потому, что знает: прошлое не отпускает тех, кто слишком много о нём знает. Когда предатель приводит монголов к его дому, Корнееву приходится защищать не будущее, а настоящее — свою семью. Это текст о цене выбора, о любви, которая сильнее времени, и о том, что даже после закрытия всех дверей небо может снова открыться. Для тех, кто следил за циклом, — финал, который отвечает на главный вопрос: можно ли уйти от прошлого и начать всё заново?

Эдуард Мисакян
Гром с неба (9-10 часть)

Часть 9.

Глава 1. Теплый конверт.

День клонился к закату. В этот день Любим нес вахту на территории, где обычно открывался портал. Он сидел на камне. До конца смены оставалось минут десять. Никто в этот день не ждал ничего: ни света, ни грома, ни чуда. Трава не шевелилась. В это время два голубя опустились на землю и с гордой осанкой стали расхаживать по земле, а потом вдруг резко взлетели вверх, словно почувствовали неладное.

Воздух задрожал. Сначала едва заметно — как студень над огнём. Потом по нему прошла рябь, будто кто-то невидимый тронул струну, натянутую между небом и землёй. В ушах тонко зазвенело, а во рту появился привкус железа и грозы.

Там, где недавно была пустота, вспыхнула тонкая, как лезвие, полоса света. Она дрожала, росла, и на миг в ней угадались тени — не люди, не деревья, что-то иное, чужое. Потом полоса схлопнулась, и ворота закрылись.

Тишина вернулась. Но она была уже другой — тяжёлой, как после удара.

Любим медленно встал. Ноги не слушались. Он перекрестился и сделал шаг вперёд. На земле, там, где только что

дрожал свет, лежал конверт: плотный, жёлтый. Он поднял его. Бумага была тёплой, слишком тёплой для этой степи, для этого ветра, для этого мира.

Он перевернул конверт. На обороте было напечатано одно слово:

«Корнееву».

И ниже, мельче:

«Лично. Не вскрывать при свидетелях».

Любим оглянулся. Никого. Только серое небо да далёкая стена форта. И тогда он побежал. Быстро, спотыкаясь, прижимая конверт к груди, как прижимают хлеб или грамоту. Он бежал к Корнееву.

Корнеев стоял на верхней площадке форта и смотрел перед собой. Аксинья пришла следом — без слова, без вопроса. Встала рядом, плечом к плечу, как встают не для разговора, а для тишины.

Внизу лежала равнина. Широкая, просторная, как ладонь, открытая небу. Трава ходила волнами под ветром, и по ней бежали тени облаков — медленные, мягкие. Дальше синели леса, а за лесами, в дымке, поднимались холмы. Древние, спокойные, как стражи, что видели больше, чем помнят люди. Небо было чистым. Последние лучи гасли на краю земли, и степь дышала так ровно, будто не было ни войн, ни порталов.

Корнеев смотрел и думал. Не о прошлом. О будущем.

О том, что форт надо укреплять — не латать, а строить

заново. Что учеников пора учить не только грамоте, но и ремеслу, врачеванию, счёту, закону. Что князьям надо послать гонцов — не с поклоном, а с уговором. Собирать землю. Пока монголы не собрались. Пока не поздно. Он думал о дорогах, о хлебе, о кузнях, о детях, которые будут жить, когда его не станет. И на этой земле можно построить больше, чем портал. Можно построить дом.

Аксинья молчала. Она умела молчать так, что молчание становилось разговором. Ветер трогал её волосы, и она щурилась на далёкие холмы.

— Красиво, — сказала она тихо.

— Да, — ответил Корнеев. — Я раньше не замечал. Всё некогда было.

Она улыбнулась. И в этот миг снизу послышались быстрые шаги.

Кто-то бежал по ступенькам. Тяжело, сбиваясь, гремя. Корнеев обернулся. На стену поднялся Любим, в руке — конверт. — Товарищ полковник. Я с дежурства у портала. Они вам прислали конверт.

Корнеев взял. Бумага была тёплой. Слишком тёплой для камня, для ветра, для этого мира. Аксинья посмотрела на мужа. В её глазах не было страха. Только вопрос.

Корнеев перевернул конверт. На обороте было выведено одно слово:

«Корнееву».

И ниже, мельче:

«Лично. Не вскрывать при свидетелях.

Бумага. Плотная. Официальная. Каждая буква — как гвоздь.

«В связи с выходом из строя основного контура хронорезонансного стабилизатора — критическим перегревом и последующим выгоранием трёх из четырёх кольцевых ускорителей, а также разрушением кристаллической решётки энергетического канала, вызванным каскадным сбоем при последнем пробое, — дальнейшая эксплуатация объекта невозможна. Ремонт и восстановление признаны нецелесообразными в связи с изменением приоритетов оперативного командования. Проект «Врата» подлежит немедленному свёртыванию на неопределённый срок. Весь личный состав, находящийся на объекте, обязан подготовиться к эвакуации в исходную точку в течение четырнадцати суток с момента получения данного распоряжения. Покидание объекта после указанного срока не предусмотрено. Портальная точка будет активирована однократно, на тридцать минут. Повторная активация не планируется. Приказ подлежит исполнению. Подпись. Печать. Дата».

Корнеев прочитал. Один раз. Второй. Он знал, что это будет. Рано или поздно. Центр никогда не говорил «навсегда». Центр всегда говорил «пока». И вот — «пока» закончилось.

Они спустились, и он почувствовал, как что-то сжалось в груди. Не страх. Не жалость. Что-то тяжелее. Он знал, что это случится, но не знал, что так быстро.

Глава 2.

Утром он собрал личный состав. Все должны были слышать.

Корнеев встал. В руке — лист. Он не разглаживал его. Не клал на стол. Держал. Как держат оружие.

— Я получил распоряжение — сказал он. — Из центра.

Тишина. Полная. Абсолютная.

— Проект закрывается. Портал будет активирован один раз. Через две недели. На тридцать минут. Потом — закроется. Навсегда.

Он помолчал. Посмотрел на них. На всех. По очереди.

— Приказ: всем готовиться к эвакуации. Вернуться домой. В будущее.

Тишина стала густой, как смола. Кто-то выдохнул, кто-то сжал кулаки, кто-то закрыл глаза. Сергеев смотрел в стол, Любим — на Корнеева, Аксинья — на мужа, Мирон — на всех. Он не понимал и просто смотрел.

Корнеев продолжил. Голос его был ровным.

— Я не буду вам врать. Возвращение — это не просто. Это месяцы реабилитации и адаптации. Многие из вас забыли, как там. Многие не смогут вернуться к прежней жизни. Кто-то не захочет. Это тоже правда. Но приказ есть приказ. И я обязан его довести.

Он снова помолчал. Потом сказал — тише. Голос дрогнул, впервые за все годы.

— У вас две недели на размышление. Кто хочет остаться

— остаётся. Кто не хочет — уходит. Так что решать вам.

Воцарилась гробовая тишина.

Две недели прошли как один день: солдаты собирали вещи, спорили, плакали, молились

Солдаты разделились. Большая часть уходила. И только 8 человек решило остаться. Те, у кого были семьи там — уходили. Те, у кого не было никого — выбирали сами. Кто-то оставался из-за Корнеева. Кто-то — из-за идеи. Кто-то — просто потому, что боялся возвращаться, боялся реабилитации, боялся вопросов, боялся, что не сможет жить в мире, где нет войны, где нет чуда и где всё обычно.

Сергеев, Котов и Кольцов уходили. Не хотели, но он должны были. У Сергеева был сын. Сын должен был учиться. У остальных – тысячи других причин. Сергеев не спал ночами, готовил колонну, собирал оборудование, документы и всё, что можно было унести.

За день до закрытия портала Корнеев собрал всех у костра в последний раз. Всех вместе. Он посмотрел на них и сказал

— Завтра, — сказал он, — дверь закроется. Я не буду говорить речей.

Он помолчал. Посмотрел на огонь.

— Мы пришли сюда как чужие, как пришельцы, как боги. Но мы не боги, мы люди. Такие же, как они. — Он показал на местных. — Мы, просто, знали больше и мы отдали немного этих знаний. Мы построили мост. И этот мост останется. Даже когда дверь закроется.

Глава 3. Михаил.

Аксинья с Мироном сидели рядом с ним. Остальные постепенно расходились. Уже гасли костры, и ночь осторожно опускалась на форт.

На глазах Аксиньи блестели слёзы. После тех страданий и ужасов, которые она испытала, она разучилась плакать. Но в этот раз, вытерев слёзы, она положила голову ему на плечо и тихо спросила:

— Завтра и ты уйдёшь. Скажи… Ты будешь вспоминать меня?

Он крепко обнял её, но ответил не сразу. Слишком долго молчал. Потом выдохнул:

— Не знаю.

Она медленно отстранилась. Посмотрела ему прямо в глаза. В них не было злости — только боль.

— Не знаешь? Ты что, разлюбил меня?

Он хотел ответить, но она не дала. Отвела взгляд, снова посмотрела — уже спокойнее, будто решила что-то внутри себя.

— Впрочем, это уже не имеет значения. Мы видимся в последний раз.

Прошло несколько секунд, и она продолжила

- Я тебя буду помнить всю жизнь.

Она встала, взяла Мирона за руку и, уходя, тихо сказала:

— Я даже не знаю твоего настоящего имени.

— Михаил. Меня зовут Михаил.

Она остановилась. Обернулась. Губы её дрогнули.

— Михаил… — повторила она, будто пробуя это имя на вкус.

— Теперь я знаю, кого буду помнить.

Он поднялся. Подошёл. Взял её за плечи — бережно, как держат самое хрупкое.

— Родная. Любимая. Я долго думал… И я решил - я остаюсь.

Она посмотрела на него, не понимая, шутит он или говорит правду

— Ты остаёшься? — В её голосе были и радость, и удивление, и недоверие.

— Да. Остаюсь. Я не смогу без тебя. Без нашего будущего ребёнка. Без нашей жизни.

Аксинья обняла его, крепко, так, будто в этом объятии можно было удержать не только его, но и само время.

Мирон стоял рядом и смотрел на них. Он ещё не понимал, что происходит. Но чувствовал: сейчас решается что-то

очень важное. Что-то, что останется с ним на всю жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.